

Я моргнул несколько раз, пытаюсь привыкнуть к освещению, но это заняло некоторое время. Медленно повернув голову, я поморщился, когда почувствовал, как затрещала шея, мышцы болели от малейшего движения. Я осмотрелся и понял, что нахожусь в больничной палате, с капельницей, подключенной к моей левой руке.

Я попытался пошевелиться, но конечности были скованы и едва двигались, как будто их долго не использовали.

Пытаясь вернуть чувствительность в конечности, я услышал, как кто-то вошел в комнату. Несмотря на старания, я вздрогнул, увидев женщину, которую принял за медсестру. Ее глаза расширились, и она медленно подошла ко мне, прежде чем заговорить.

— Саске? — тихо спросила она, глядя прямо на меня карими глазами.

Я отвернулся и ничего не сказал, не желая разговаривать.

— Я вернусь через минуту, — пообещала она, — мне нужно сообщить, что ты очнулся. — После этого она поспешила выйти из комнаты.

Я погрузился в свои мысли, пытаюсь понять все произошедшее, когда она вернулась, с мягким выражением лица.

— Саске, — сказала она доброжелательно, явно пытаюсь меня утешить, — ты страдаешь от головных болей или чувствительности к свету? Возможно, ты получил повреждения после... — Она замолчала, не закончив фразу.

Я не ответил, просто глядя на стену.

— Саске, — вновь произнесла она мое имя, но я не хотел играть в двадцать вопросов.

— Я не хочу говорить, — холодно сказал я, мой голос был гораздо выше, чем прежде, но это было неправильно. Это был мой голос, другой, знакомый, но более глубокий и на другом языке.

Хрип от длительного неиспользования заставил меня вздрогнуть от того, как жалко я звучал. Я должен был пробыть здесь днями, чтобы такое произошло.

Судя по последовавшей тишине, она решила не настаивать.

Через какое-то время дверь снова открылась, и вошел кто-то, с кем я совершенно не хотел

разговаривать.

Я мог никогда не видеть этого человека, но мои воспоминания о том, как выглядела Яманака Ино, не были повреждены, и у вошедшего были такие же цвет волос и глаз.

— Саске, — с ноткой доброты сказал Яманака Иноичи, в его глазах было сочувствие, — я уверен, тебе интересно, почему ты здесь.

Я сжал руки на простынях и начал дрожать, закрыв глаза, когда передо мной мелькнула вспышка памяти.

Цукуёми.

— Все мертвы? — спросил я тем же слабым и хриплым тоном, оглядываясь в поисках стакана воды.

Глава клана Яманака, казалось, потускнел от моего вопроса, но не ответил.

— Да или нет, — продолжал я избегать его взгляда, не желая устанавливать зрительный контакт.

Мужчина вздохнул и медленно кивнул.

— Да.

Это слово было достаточно, чтобы я окончательно сломался, все мое тело задрожало от осознания произошедшего.

— Пожалуйста, уйдите, — дрожащим голосом сказал я, слезы навернулись на глаза.

— Саск... — начал он, но я перебил.

— Я не позволю вам лезть в мою голову! — закричал я, чувствуя, как глаза горят, когда я посмотрел на него.

Иноичи вздохнул и повернулся, чтобы уйти вместе с медсестрой.

После их ухода я дотянулся до зеркала на столе рядом, взял его и поднял на уровень лица.

— Спасибо, ни-сан, — холодно пробормотал я, замечая, что мои глаза были кроваво-красными,

с одним томоэ в каждом глазу.

Шаринган выглядел странно, особенно то, что эти глаза были моими. Кроваво-красные, они служили свидетельством ужасных событий, оставивших отпечаток на моей душе.

Мое зрение было невероятно острым, предоставляя мне ясность, о которой я и не мечтал. Очевидно, моя злость на все и всех заставила меня подсознательно активировать их, и мой любимый старший брат пробудил их во мне.

Я посмотрел на свое отражение и почувствовал одновременно знакомое и запутанное чувство. Черные волосы, заостренные сзади, такие же черные глаза, если не считать активированного додзюцу, с бледным цветом кожи, который мне был и не был привычен одновременно.

Приглядевшись, я был потрясен тем, как плохо я выглядел. Я не должен был быть таким бледным. Мое лицо не должно было быть таким изможденным. Неужели Цукуёми нанес больше вреда, чем я осознавал? Было ли это физически разрушительным так же, как и ментально?

Возможно, но я надеялся, что нет. Я ненавидел быть слабым и прикованным к постели. Черт с этим.

Я смотрел на свое отражение и пытался деактивировать глаза, но они не выключались.

Я замедлил дыхание и закрыл глаза, пытаясь успокоить эмоции. Медленно я открыл глаза, глядя на свои теперь черные как смоль глаза, которые смотрели на меня.

Вздыхнув, я положил зеркало и просто сидел, ожидая, когда еще кто-нибудь нарушит мое одиночество. И, конечно, вошел тот, кого я меньше всего хотел видеть. Старый. В бело-красных одеждах. Возможно, самый опасный человек в истории, не обладавший кеккей генкаем.

Сарутоби Хирузен.

—//—

Хирузен посмотрел на младшего брата Итачи и скрыл боль, которую чувствовал от того, насколько пустыми были глаза мальчика. Трудно было поверить, что мальчик, который обычно был веселым, хотя и сдержанным среди одноклассников, подвергся чему-то настолько ужасному, что теперь он был перед ним.

Неудивительно, что молодой Учиха избегал зрительного контакта, просто глядя на стену.

— Я хочу быть один, — тихо сказал восьмилетний мальчик, взглянув на него на мгновение, прежде чем снова отвернуться. — Я не хочу говорить.

Хирузен не был удивлен отсутствием восхищения в его голосе или поведении. Большинство детей либо смотрели на него с изумлением, считая его «очень сильным», либо нервничали рядом с ним. Саске был безразличен к нему.

— Ты пережил травматическое событие, которое оставило тебя в коме на неделю, — мягко ответил Хирузен, заметив, как Саске вздрогнул, услышав, сколько времени был без сознания.

Осознав, что Саске не собирается говорить, Хирузен начал объяснять, что произошло за последнюю неделю.

Тела были собраны, и согласно старой традиции клана Учиха, их останки были сожжены, чтобы не допустить кражи глаз.

— Ита... — начал было Саске, его дыхание прервалось, — был ли он пойман?

Хирузен покачал головой.

— Нет.

Саске снова замолчал.

— Мне сказали, что ты был довольно враждебен с Иноичи. Я знаю, что его дочь учится с тобой в одном классе в академии.

Саске впервые установил с ним прямой зрительный контакт, и его взгляд был наполнен ненавистью.

— Чего вы хотите? — резко спросил он, все его тело дрожало. — Хотите, чтобы я извинился за то, что не хочу его в моей голове? Итачи заставил меня видеть все! — Голос мальчика был настолько громким, что эхо разносилось по стенам.

Как только появилась злость, она исчезла, оставив за собой плачущего ребенка.

<http://tl.rulate.ru/book/110075/4264309>